

ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АРХИТЕКТОРОВ

Шубович С. А., профессор, д-р архит., **Жмурко Ю. В.**, доцент, канд. архит.
Харьковская национальная академия городского хозяйства
Тел. (075) 707-32-52

Аннотация. Работа посвящена проблеме гуманитарных дисциплин в архитектурном образовании. Обосновывается необходимость включения в архитектурное образование комплекса профессионально ориентированных гуманитарных дисциплин, исходящих из общего культурного контекста постиндустриального общества.

Ключевые слова – гуманитарные дисциплины, профессиональная деятельность, духовность, учебный процесс, архитектурная среда, модель.

Проблема исследования. Кризисное состояние современной архитектуры и роль профессионального образования в этом кризисе. Растущий интерес профессионалов к гуманитарным проблемам, выходящим за узкопрофессиональные рамки и ограниченность профессионального обучения.

Цель работы. Обоснование актуальности гуманитаризации профессионального обучения архитекторов.

Задачи работы. Выявление ценностных аспектов комплекса гуманитарных (композиционных, образных, философских, коммуникативных, художественно-эстетических) структур архитектуры.

Современные образовательные стандарты предусматривают наличие большой доли гуманитарных дисциплин в учебных планах, что отвечает общей культурной концепции постиндустриального общества. Однако, представляется, что понимание гуманитарности в них выглядит достаточно условно. Насытить программы гуманитарными дисциплинами – еще не значит их гуманизировать. Понятие «гуманизм» включает в себя, прежде всего, идею достоинства личности – личности творца, и личности, потребляющей продукт творчества. Знание классической философии или истории еще не дает студенту знаний о том, как профессиональными средствами проявить это достоинство и зачем, собственно, это нужно? В чем состоит достоинство архитектора-профессионала – в реализации собственной творческой амбиции или в сознательном подчинении законам сложившейся среды, существующей много дольше, чем посягающий на нее зодчий? Студенту, ориентированному на профессиональную деятельность, как правило, узкоспециализированную, наверное, нужна не просто философия или психология, а философия архитектуры и психология архитектуры (психология архитектурного творчества, восприятия архитектуры и др.). Вопросы экологии, столь популярные и введенные в учебные программы, так же мертвы без привязки к профессиональным дисциплинам.

Сейчас много говорится о духовности. Но в архитектурном выражении духовность сводится к культовой архитектуре, зачастую такой же бездуховной, как и породившая ее деятельность архитектора с доминирующей установкой на жесткую прагматику (здесь не идет речь о заказчике, – это другая тема). Здесь снова сказывается недостаток (или полное отсутствие) гуманитарного образования архитектора, «изучившего» в свое время комплекс гуманитарных дисциплин. Вряд ли курс «делового украинского языка» способен разъяснить студенту, что такое высота человеческого духа. А ведь и лингвист, и архитектор прекрасно

понимают, что нужно деятельности под названием «архитектура». Как замечает У. Эко, «... архитектура, – в определенном смысле, – принадлежит сфере обслуживания, но это не значит, что она дает то, чего от нее ждут, а значит, что она именно для того, чтобы дать то, чего от нее не ждут, изучает систему наших предполагаемых ожиданий, возможности их осуществления, их приемлемость и внятность, возможность их увязки с другими системами общественной жизни» [1, с. 245]. По Ле Корбюзье, «Подлинное чувство рождается только от высокого качества игры, иначе все превратилось бы в тупую систему и скатилось бы к пошлости».

Вероятно, насыщение учебных планов «гуманитарными дисциплинами» не дает должного результата, если «результат» учебного процесса как создание Архитектора, обеспечивающего форму достойного существования Человека в среде, «вторую природу», органично продолжающую «первую», основную природу, породившую и воспитавшую гомо сапиенса. Дисциплины, набранные по принципу «чегонибудь», отбирают ценные часы профессиональной подготовки, а общеобразовательная функция этих дисциплин сводится почти к нулю в связи с отсутствием мотивации у студента их серьезно изучать. В то же время не хватает часов для изучения такой первостепенной дисциплины, как архитектурная композиция. Традиционная «ОПК» с трудом дает лишь предварительное знакомство студента со сложнейшим комплексом композиционных, образных, художественно-эстетических структур архитектуры. В результате студент, изучивший азы условно морфологического анализа и забывший его на старших курсах, считается профессионалом, способным вторгаться в живую ткань архитектурной среды. В итоге уникальные ансамбли нивелируются, Киев, Львов, Харьков, Одесса становятся неотличимыми, реализующими унифицированные представления о некоем «ином мире».

В то же время на уровне теории актуализируется вопрос средового проектирования. Среда ландшафт, история, культура, социум активно включаются в проектную деятельность и практически определяют ее. Это видно и на изменениях, которые демонстрируются на ежегодных смотрах дипломных проектов. Однако даже понятие «средовой подход» у многих вызывает разночтения, и его трактовки архитекторами уходят далеко от классических – структуралистских определений. Рубеж XX и XXI веков внес методологические коррективы в саму философию структурализма, и «средовой подход» обогатился новыми для него гуманитарными позициями, включающими вопросы от лингвистики до мифопоэтики. Архитектура и архитектурное образование, конечно, реагирует на изменения своими «вариативными» составляющими, но они не в состоянии откорректировать сложившийся предметный дисбаланс.

Возможно, особенно остро это ощущают архитекторы, работающие в градостроительной специальности, где вопросы среды, ее составляющих, ее генезиса и перспектив развития занимают важнейшее место. Постичь архитектурную среду города сложно, так как здесь приходится иметь дело не только с логикой технических процессов, которые поддаются количественному исчислению, но и с такими явлениями общественного характера, которые измерить, зачастую, не удастся. К таким явлениям относится, в частности, восприятие среды человеком, ее метафоризация и соотнесение с собственным «я»; т. е. то, что К. Линч называет самоотождествлением [2]. В этом смысле современная архитектурная наука только начинает открывать для себя и принимать на профессиональном уровне разработки в иных профессиональных сферах. Это касается отношения к гуманитарным аспектам личности, к проблематике скрытых мотиваций, основанных на глубинных пластах психики, к проблеме философского осмысления среды жизнедеятельности личности, которая формировалась исторически и в которой наравне с преобразующей мир культурной динамикой существует закрепленная архетипами статика культурных традиций.

Архетипическая статика, или, по К. Юнгу, «коллективное бессознательное», во многом обуславливает поведенческие процессы, систему предпочтений и практически всю художественно-творческую деятельность человека и общества. Учитывая это, литературовед-

ческая традиция ввела в оборот мысль о наличии в сюжетах самых разных произведений, отделенных друг от друга целыми эпохами, неких общих черт. Эта общность уходит корнями в древнейшие образы, закрепленные сюжетами мифов. Она модифицируется в соответствии с требованиями и представлениями своего времени, но при этом сохраняет память о породившей ее схеме. Литературовед Дж. Уайт называет эти схемы, проявляющиеся в произведениях, далеких от собственно мифа, «вековыми образами» [3].

Архитектура, наделенная собственной поэтикой, безусловно, обладает и собственными «вековыми образами», которые особенно ярко вспыхивают в кризисные периоды истории. «Архитектура рождается лишь с началом истории», пишет Г. Ревзин [4, с. 22]. Однако она с поразительной последовательностью воспроизводит формы доисторические, которые моделируют древние (мифологические) представления человека: «...архитектура всей своей поэтикой принадлежит миру Космоса, а не истории... Парадокс заключается в том, что этот Космос осуществляется лишь на фоне истории» [4, с. 22–23]. А дальше автор задается вопросом, насколько правомерна сама постановка вопроса о мифопоэтической основе архитектуры, если ее изначальная модель – например, идея мировой вертикали, равно повторяется в хижине дикаря и в современном сооружении? С этим тезисом можно вполне согласиться: да, модель повторяется всегда, поскольку изначально заложена в сознании человека условиями и способом жизни. Очевидно, вопрос должен формулироваться иначе – как именно она повторяется и какими средствами каждый раз реализуется?

На протяжении последних десятилетий меняется отношение к проблеме философского осмысления среды жизнедеятельности человека-личности; личности, которая формировалась исторически и в которой наравне с преобразующей мир культурной динамикой существует закрепленная архетипами статика традиций. О значимости этих традиций говорит устойчивость образа идеального города или «города-сада (рая)» в градостроительных концепциях.

Кольцо, крестообразное пресечение, квадрат или ромб – формы, изначально описывающие пространство, ставшие его моделями, лежат в основе практически любого города, начиная задолго до римских кардо и декуманос и заканчивая современными кольцевыми магистральями, в которые градостроители все еще стараются втолкнуть город. Подобные образы свидетельствуют о стойкости архетипической модели в сознании человека. Одним из «вековых образов» в архитектуре стал образ идеального города, преобразуемый в соответствии с эпохой. Его модель, уходящая к «небесному городу» Месопотамии, как правило, на каждом этапе связывалась с социальными установками воспроизводивших ее людей. Подобные космогонические архетипы «рая на земле» находят в фаланстере Фурье, градостроительных проектах Н. Милютина, И. Леонидова, в идеях «города будущего», «соцгорода» и др.

Но обращает на себя внимание и другое: почему реализованная «космическая модель», будь то древний Вавилон, Иерусалим или Киев периода Ярослава Мудрого, никогда не предстает в идеальной чистоте? Почему древние образцы градостроительного искусства представляют эту модель как бы «сломанной», не точной, закодированной, требующей интеллектуального напряжения для его согласования с прототипом? В то же время ансамбли классицизма и более поздних эпох дают нам жесткие схемы, максимально приближенные к давно утерянной модели. Жесткая ось Парижа, усиленная композицией Дефанс, «лучи» круглой харьковской площади (круглая часть современной площади Свободы), план Вуазен Ле Корбюзье и другие ансамбли напрямую демонстрируют тяготение к некоей идеальной модели (или типовой схеме), реализуемой в архитектурном формировании среды. Сюда же следует отнести и современные градостроительные решения в Харькове, задача которых «упорядочить» геометрию города в русле кольцеобразной схемы последнего генерального плана города. Возникает вопрос, почему схема начинает довлеть тогда, когда ее культурный смысл теряется? Возможно, гуманитарный фактор здесь играет важную роль, которую еще следует понять? Почему, по Ж.-П. Вернану античные греки в городе, центре полиса с его

сельскохозяйственным окружением, оставляли клочок непаханой земли? [5]. Что он говорил (транслировал) горожанину?

Здесь мы сталкиваемся с еще одной сложной проблемой архитектуры – проблемой коммуникации. С одной стороны, адекватное понимание является важным коммуникативным аспектом архитектуры и в целом архитектурного пространства; с другой – личность тяготеет к некой недосказанности, ощущению противоречия, требующего решения. По Ю. М. Лотману, «Ощущение рубежности, пограничности из пространственного становится этическим, переходит внутрь человека... Единство состоит не в том, чтобы все были одинаковыми. «Понимаемость», к которой мы так стремимся, — это один полюс; другой необходимый полюс — «непонимаемость», потому что непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность... в понимании необходимости чужого: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет мое мучительное счастье» [6, с. 121]. Следовательно, при коммуникации разница между понятиями человеком и принятыми как свои пространствами и иными, неписываемыми в такое принятие, является, по сути, определяющей. «Иные» пространства, как правило, находятся в оппозиции к пространствам понятным, т. е. обладающим ясной логикой. Понятными являются прямая улица, широкая площадь, небольшой двор и др. Поворот или сужение пространства, погружение в тень или перепад по высоте сразу выбрасывает пространство в разряд непонятных – странных, наделенных «другой» семантикой. Изучение подобных и многих других проблемных аспектов в архитектуре необходимо, если мы хотим вернуть профессии ее высокий статус.

Вывод. Кризисное состояние современной архитектуры во многом сказывается на профессиональном образовании, которое идет в русле сегодняшнего состояния архитектуры, хотя должно быть на шаг впереди и обуславливаться состоянием растущих научных знаний. Современная наука в контексте общей культуры тяготеет к проблемам постиндустриального общества, в которых гуманитарные проблемы занимают все большее место. Человек духовный и его нравственные установки являются главным критерием решения этих проблем. Но что это значит на профессиональном языке? Очевидно, на этот вопрос должно дать ответ, в первую очередь, профессиональное образование.

Тенденция, отражающая растущий интерес профессионалов к гуманитарным проблемам, выходящим за узкопрофессиональные рамки, и ограниченность профессионального обучения создают проблему, решение которой должно стать актуальным для работников высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
2. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407с.
4. Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурных форм. – М.: ОГИ, 2002. – 144 с.
5. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – 223 с.
6. Лотман Ю. М. Разговор о пространстве // Воспитание души. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2005. – С. 117–12